

ДМИТРИЙ ВОЛОДИХИН

ЭЛИТА РОССИИ: 300 ЛЕТ НАЗАД И СЕЙЧАС

В наши дни публицисты любят спорить о “качестве” элиты – административной, военной, дипломатической, интеллектуальной... Особенно часто полемизируют о свойствах современной российской элиты, творящей большую политику в России. Притом критерий, с помощью которого определяется качество, в подобных спорах чаще всего произвольный. Российские верхи бывают хороши или плохи в зависимости от того, что “текущий момент” диктует автору статьи...

Между тем, единственный критерий, с помощью которого можно сколь-нибудь надёжно оценить деятельность элиты, – это плоды её работы. Проще говоря, военная элита должна побеждать на полях сражений, дипломатическая – заключать выгодные для страны соглашения, административная – обеспечивать достойную жизнь народу, законность и порядок.

И в отношении современности здесь, мягко говоря, много вопросов. Если пользоваться правилом “узнаешь по плодам их” последовательно, возникнет странное ощущение: политическая элита современной России словно бы расколота на фрагменты, не составляющие никакого единства. Кто-то более или менее честно работает на страну, а кто-то... – как бы это выразиться точно и вежливо в одно и то же время?... – оказался в роли живого актива внешних сил, для коих Россия – расходный материал. Наверное, можно говорить о том, что значительная часть нашей политической элиты “приватизирована” и “акционирована” извне.

Для того чтобы понять, насколько эффективнее работает элита “монолитная”, не изувеченная трещинами и расколами по всем направлениям, стоит приглядеться к русскому прошлому. Были ведь там времена, когда страна управлялась элитой, органически выращенной самой русской почвой. Например, эпоха допетровской Руси.

Что представляли собой элиты России и сколь удачно решали они главные задачи, удобнее всего показать на примере элиты военной.

Между Иваном Великим и Петром I лежит величественная эра Московского царства. Именно тогда из россыпи мелких самостоятельных княжеств и земель родилась единая могучая Россия. Именно тогда расширилась она от Киева и Смоленска до Тихого океана. Именно тогда отстояла она свою независимость от сильных и опасных врагов.

Казалось бы, двести с лишним лет масштабных войн должны были породить мощную военную элиту, десятки блистательных командармов. Ведь кто-то

присоединял же к Москве Новгород Великий и Тверь, громил Литву, бил татар, брал Казань и Полоцк, освобождал Москву от польских захватчиков, отбивал Малороссию у Речи Посполитой! От рождения своего Московская держава была принуждена воевать неустанно. Границы её пылали то и дело, сама жизнь её не раз висела на волоске. На протяжении двух веков мирное десятилетие воспринималось русским обществом как утопия: такого быть не может, потому что не может быть никогда! Наши предки неустанно дрались насмерть с кочевыми народами, поляками, литовцами, немцами, шведами, турками...

Держава устояла.

Но чего это ей стоило!

В XVI веке Московское государство должно было каждый год собирать и в полной боевой готовности отправлять “в поле” одну, две, а то и три армии. Если ни на одной из русских границ не велось боевых действий, что ж, этот год можно было называть счастливым, но войска все равно приходилось выводить... во избежание скверных неожиданностей.

Соответственно, очень многое зависело от того, кому доверяли командование действующей армией. И действительно: военная история России конца XV–XVII столетий полна великих имён. Искусных и отважных полководцев у нас хватало!

Но кого из них знает образованный русский наших дней? Пожарского. Как же не знать Пожарского, он вошёл во все учебники! И... и... и всё. В лучшем случае, Скопина-Шуйского, в самом лучшем случае – Ивана Шуйского, ибо его Карамзин назвал спасителем России.

Такие полководцы-титаны, как Даниил Холмский, Даниил Щеня, Семён Микулинский, Михаил Воротынский, Дмитрий Хворостинин, Андрей Голицын, Борис Лыков, Юрий Барятинский, Яков Черкасский, Юрий Долгоруков, Иван Хованский, Григорий Ромодановский для подавляющего большинства русских – неизвестно кто.

В том числе и для тех, кто всерьёз интересуется историей своего народа.

Более того, наш современник не очень понимает, откуда они все взялись, какое сословие их породило, что за школа в отсутствие каких бы то ни было воинских училищ дала им знания, приводившие от победы к победе.

Вот об этом и стоит поговорить.

АРИСТОКРАТИЯ КАК ФАБРИКА ВОЕВОД

Исторические источники называют сотни имён русских военачальников допетровского времени. Это позволяет безошибочно определить, какая среда являлась тогда живой “фабрикой полководцев”.

90% от числа всех сколько-нибудь крупных военачальников – выходцы из русской аристократии. Не просто из дворянства, нет, из наиболее знатной его части, то есть боярско-княжеских родов.

Исключения редки.

Таков, например, казак Ермак, столь же далёкий от аристократии, как сельская ворона от павлина в царском саду. Но он командовал несколькими сотнями бойцов, и поход его для Москвы выглядел как микроскопическое предприятие. Если бы Ермак сам не сообщил бы Ивану IV о своем фантастическом успехе, его могли бы и не заметить.

Талантливые служаки-дворяне, в опричнине возвышенные Иваном IV более, чем позволяла их “родовая честь”. Например, даровитые воеводы Михаил Безнин и Игнатий Блудов.

Кто-то из незнатных дворян пробивался в военную элиту за счёт удачной матримониальной комбинации, как Никифор Чепчугов-Клементьев.

Ну, а некоторые на время возвысились из “полевых командиров” в столпы царства, когда на просторах России бушевала Смута, и государственный порядок на время хаотизировался. Таков знаменитый Прокопий Ляпунов. Но всё это – кадровые аномалии. До XVIII века простой дворянин неаристократического происхождения мог занять высокий воинский пост лишь в силу каких-то экстраординарных обстоятельств.

РОД, СЛУЖБА И ЗЕМЛЯ

В XVI веке на Руси происходила борьба между древними родовыми устоями, пронизывавшими всю жизнь общества, и государственным интересом, тяготевшим не к роду, а к службе. Начало служилое, намертво прикреплённое к монарху, его милостям и опалам, его высоким помыслам и ничтожным капризам, худо согласовывалось со старинным дружинным бытом, жившим в крови нашей знати. Государи московские желали править единодержавно, возвышаясь над обществом, подчиняясь одним лишь заповедям Христовой веры, но не каким-нибудь обязательствам законодательного или семейного свойства.

Жизнь Московской Руси, постепенно собиравшей из крошева малых княжеств и вечевых республик великое Царство, была пестра, сложна. Великий князь московский подчинялся многим древним обычаям. Землёй своею он владел вместе с родом, с семейством. Ближайшая родня его имела широкие права на полусамостоятельный политический быт в своих уделах, являвшихся отдельными частями громадной “семейной вотчины”. Удельный мятеж мог свалить великого князя с престола или, во всяком случае, крепко испортить его планы. . . Очень медленно, очень трудно умирало представление о коллективном, “семейном” правлении землей. Чудо, что Московское княжество не развалилось на отдельные государственные образования!

Бояре при дворе великого князя когда-то назывались “старшей дружиной” и могли покидать своего князя, если видели, что оставила “вождя воинов” удача, что утратил он искусство побеждать врагов. Осознав слабость правителя, дружинники принимались оглядываться по сторонам в поисках нового вождя, отмеченного счастьем и высоким воинским умением. А когда переходили к нему, то ничуть не стеснялись долгом в отношении прежнего господаря. И боярские семейства XV–XVI веков отлично помнили древнее своё право: уйти в другую “дружину”, если потребует. Спорный вопрос заключался лишь в том, кому достанутся земли, которыми владел боярин, когда служил предыдущему князю. Но если право на них отстоять не удастся, то, на худой конец, новый правитель пожалует что-либо взамен. Так мыслили потомки “старшей дружины” при дворе Дмитрия Донского, Василия Тёмного, Ивана Великого. Дружинное мировидение это перешло, хотя бы отчасти, и в эпоху Ивана Грозного.

Ну, а князья, оказывавшиеся при дворе московских монархов, очень хорошо помнили: Русь – коллективное владение огромного, разветвившегося рода Рюрика, за исключением западных её областей: там – “вотчина” разветвившегося рода Гедимины. И как потомки Рюрика или Гедимины, все они имели древнее право на частицу этих владений. Малую ли, большую ли, но – принадлежащую им *по праву крови, по праву рождения*. Многие княжеские роды, ко временам Ивана Грозного утратившие роль самостоятельных правителей, ещё в XV веке правили в богатых уделах, а то и больших независимых княжествах. О XIV веке и говорить нечего – те же Шуйские, например, происходили от Суздальско-Нижегородских князей, создавших колоссальную державу и даже отбиравших время от времени у Москвы великое княжение Владимирское! Никто ничего не забыл: как предки водили в бой собственные армии, как сами решали вопросы дипломатии, чеканили свою монету, издавали новые законы для подвластных им земель. . .

А Ванька Московский пришёл и всё забрал!

О, как хорошо, кабы вернулась благословенная старина. . .

Но благословенная старина сменилась реальностью Московского государства. И монархи всяя Руси крутенько обходились со своей роднёй! Власть над землёй они с боем, с натугою, а всё же забрали у рода Калитичей и присвоили себе. В боярах больше не видели они вольных дружинников, но лишь служильцев своих. Противны были им вздохи “княжат” о прежней вольности. Зато на землях громадного Московского государства не лютовали татары, границы его оказались под надёжной охраной от любых злых пришельцев, а кровавые междоусобья, раньше происходившие столь часто, ушли в прошлое.

Какую пришлось заплатить за это цену?

Вся древняя знать, сильные люди, по жилам которых бежала кровь государей и слуг их, великих воинов, оказалась в утеснении.

Какая доля ей оставалась?

Бороться за то, чтобы “право крови”, “право рода” принесло ей иные блага. Ушло “семейное правление” землёй? Ушла возможность быть самостоятельными державцами? Ушла возможность “дружинного перехода”? Так пусть же великий государь московский навеки закрепит за ними право на большие чины и высокие должности у трона своего – пусть даст его тем, кто всё это потерял!

ВЕЛИКОЕ БЛАГО МЕСТНИЧЕСТВА

И государи московские какое-то время признавали: да, древняя аристократия на многое имеет привилегию. Система местничества, передававшая знатым потомкам от знатных предков “родовую честь”, гарантировала им высокие назначения в армии, при дворе, в правительстве или административных учреждениях.

А не признали бы, так пришлось бы кроить и перешивать державу после страшных мятежей, которые, надо полагать, устрашающей волной прокатились бы по всей России. Тут – великое благо местничества, спасшее Россию от большого кровопролития. Местничество – гениальное русское изобретение, оно избавило страну от чудовищной фронды и бесконечных “шляхетских наездов”.

Новый порядок медленно, очень медленно перемалывал старые обычаи. Порою он отступал, как в малолетство Ивана IV, но впоследствии, так или иначе, восстанавливался. Удельная, дружинная старина отступала.

У древних аристократических привилегий могло быть два маршрута.

Либо русской служилой знати удалось бы их упрочить, зафиксировать законодательно (и такие попытки предпринимались не раз), тогда Россия превратилась бы во вторую Речь Посполитую, и соседи разделили бы её между собой, как поступили в XVIII веке с Речью Посполитой Россия, Пруссия и Австрия.

Либо они постепенно превратились бы в анахронизм, отмерли бы в течение нескольких поколений, лишь только память о временах удельной Руси стёрлась бы в умах.

В конечном итоге реальностью стало второе. На протяжении XVII века, особенно после Великой смуты, наша знать, теряя виднейших своих представителей, понемногу сдавала позиции. Сильный удар нанесла ей отмена местничества, произошедшая при царе Фёдоре Алексеевиче.

РАСА ГОСПОД

Служба теснила род. Способности и заслуги неспешно одолевали “отечество”. Процесс этот шёл крайне медленно не только из-за бешеных амбиций аристократии. Нет. Дело было ещё и в том, что сама русская аристократия XV–XVII столетий была плодородной почвой для руководителей отличного качества. Знатного человека с детства учили управлять людьми, воевать, рассчитывать тактические и стратегические последствия своих действий.

Вот она – школа воинских побед и государственного управления! Её обеспечивали старшие члены рода младшим. Ремесло командира, судьи, государева советника передавалось из рук в руки, из уст в уста. И эта система “домашнего обучения” прекрасно работала на протяжении двух веков. Аристократы приносили русскому знамени победы, а государю – приращение земель. Те самые “жирные бояре”, из которых советские писатели и кинематографисты с упоением делали посмешище, отлично держали на своих плечах царство. “Железные наркомы” так уже не умели – навыка не хватало...

Аристократу оставалось самому выучиться служить... Но именно это умение давалось с большим трудом. Аристократ понимал, как приносить победы на ратном поле, знал, как вершить дела в многолюдных городах и обширных областях, освоил навык правильного суда, но гордыня мешала ему склонять жёсткую выю перед государем.

Итак, у этой системы имелся лишь один недостаток: аристократ-управленец сам был плохо управляем...

Между тем, ниже аристократии плескалось море незнатных служильцев, жаждавших возвышения и готовых при всяком случае отдать земной поклон

монарху, а если надо, то и встать перед ним на колени. Этим кровью возвыситься не могла – только служба! Но долгое время они не могли соперничать с аристократией по “качеству” своему. Они ведь не располагали ни опытом, ни воспитанием “управляющего человека”. Русская знать XVI века – “раса господ”. Русское дворянство XVI века – стихия исполнителей. Не так уж много по-настоящему даровитых людей могло дать дворянство государю, когда он пожелал отыскать замену хотя бы части управленцев-аристократов.

ОПРИЧНИНА КАК ПОПЫТКА “КАДРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ”

Опричнина представляла собой попытку разрушить старинные права знати радикальным способом. Решить дело просто, быстро, зло. Наскоком, нахрапом. Чуть ли не революция происходила в той общественной сфере, которая требовала кропотливой и неспешной преобразовательной работы.

И... методы проведения этой полуреволюции-полуреформы подвели царя Ивана IV с его помощниками: поставленные цели достигнуты не были.

Прежде всего, те слои русской знати, которые поддержали опричнину, стремились подправить существующий порядок, а не ломать его. Выходцы из этих групп – старинного московского боярства, второстепенной княжеской аристократии – оказались слишком самостоятельными, слишком своеобразными инструментами для Ивана IV. Им совершенно не требовалось полное разрушение местнической системы. Их не мог радовать масштабный государственный террор. А неродовитое дворянство, готовое идти гораздо дальше по пути ломки древних устоев и полностью подчиняться велениям монарха, не располагало серьёзными управленческими кадрами.

Что, в сущности, представляли собой Малюта Скуратов, Василий Грязной, Григорий Ловчиков, Булат Арцыбашев и прочие опричные выдвигенцы? Разве годились они на роли воевод, дипломатов, наместников для больших городов? Цепные псы государевы предназначены были для другого. Пытать, резать, вешать, грызть, головы сносить – пожалуйста! Сколько угодно! А вот когда им доверяли серьёзное дело, как доверили, например, Василию Грязному разведку на Степном Юге, верные “исполнители” имели все шансы его провалить. Не из каких-то расчётов, а просто по отсутствию соответствующего воспитания, опыта и способностей.

К несчастью, таких одарённых людей, как Безнин и Блудов, среди них нашлось немного: раз, два – и обчёлся.

Опричнина отнюдь не уничтожила привилегий первостепенной княжеской аристократии. Не привела она к высотам власти и неродовитое дворянство. После её отмены относительно немногие персоны задержались “в приближении” у государя. Главным образом – дельные люди “безнинского” типа. Но во второй половине 1580-х, при царе Фёдоре Ивановиче, последние из них оказались изгнаны с вершин большой политики. Ничего не осталось от опричнины.

Кроме, пожалуй, памяти.

И вот она-то оказалась большой ценностью.

Как будто высокий, могучий человек, не глядя, сунулся с улицы в маленькую дверь с низкой притолокой и крепко ударился головой. Потирая ушибленную макушку, он всё же заходит в дом, но уже не торопясь и с оглядкой. Так и русская монархия: после опричного “эксперимента” она пошла по верному пути *неторопливого выдавливания родовых начал из политического строя России*. Опричнина очень хорошо показала: ни в коем случае не нужна новая опричнина. Малюта прочно вошёл в народную память и остался там болью от ушибленного места, печальным опытом: не надо бы больше нам никаких малют...

УЗКИЙ КРУГ ВЫСШИХ ВОЕВОД

С отмены опричнины до падения Василия Шуйского армиями русских государей безраздельно управляет аристократия. Точнее сказать, примерно 25–30 родов, которым доверяли высшие воеводские посты.

Обстоятельства большой политики то выдвигали один из родов на первый план, то опускали его статус ниже прочих, но местническая система позволяла знатнейшим семействам восстанавливать их высокое положение даже по-

сле самой страшной опалы. Так что русские воеводы “тасовались”, как карты в маленькой колоде.

“Командармов” назначали из знатнейших Рюриковичей, знатнейших Гедиминовичей и древних родов боярства, веками служивших Московскому правящему дому.

К числу первых относились князья Шуйские, Одоевские, Пронские, Воротыньские, Татевы, Ростовские, Оболенские, Долгоруковы, Звенигородские, Хилковы, Ногтевы, Засекины, Хворостинины, Ромодановские.

К числу вторых – князья Голицыны, Мстиславские, Куракины, Трубецкие, Хованские.

Из третьей группы следует назвать Романовых-Юрьевых, Шереметевых, Морозовых, Бутурлиных, Шеиных, Плещеевых, Головиных, Колычёвых, Салтыковых, Сабуровых и Годуновых.

Минула Смута.

При первых Романовых долгое время ничего кардинально не менялось. Разве что возвысились некоторые новые роды, а старые угасли. Но система в целом сохранилась.

Лишь с середины XVII века местничество начало размываться и к концу столетия ушло в прошлое.

Петр I нашёл ему замену в “Табели о рангах”: теперь до командных высот мог дослужиться и совершенно не знатный дворянин.

Удельному, родовому, героическому, буйному прошлому на смену шло государственное, служилое, размеренно-созидательное будущее. В исторической перспективе маршрут Малюты окажется тупиковым, а маршрут Безни-на – торной дорогой.

Но вот вопрос: а эффективнее ли та система управления, которая основывается не на родовой аристократии, а на службистах? Она привычна современному человеку, однако привычка эта не является аргументом в пользу более высокого качества.

Да, аристократ был плохо управляем. Но у него было сознание хозяина земли, а не винтика в державной машине. И его готовили к работе генерала, судьи, администратора с самого детства. Вуз и опыт практической работы лучше? Кто знает...

КРОВЬ И ВЕРА

Петр I разрушил ещё одно важное правило, на котором было основано устройство воинской элиты. Оно касалось крови и веры военачальника.

Итак, базовый принцип – незнатный человек не может командовать войском – свято соблюдался до второй половины XVII века. Однако чистокровная русскость от аристократа не требовалась. Принципа этнической чистоты не существовало. Черепя не измеряли.

Так, при Иване Грозном на высокие воеводские посты ставились представители “выезжей” знати. Например, “воеводичи” молдавские. Но чаще – выходцы из татарской, ногайской, северокавказской знати (князья Черкасские, Шейдяковы, Тюменские и т. п.). На Марии Черкасской сам царь был женат вторым браком.

Таким военачальникам, не имевшим порой ни капли русской крови, давали в подчинение полки и даже целые армии. Подчиняться им не считалось зазорным, ибо знатность их рода не вызывала сомнений ни у кого.

Вот только при этом от каждого, кто хотел продвигаться в верхний эшелон русской военно-политической элиты, требовали креститься в Православие.

Те же Черкасские (северокавказский род) перешли в Православие, а с течением времени и обрусели. Они вообще занимали в России исключительно высокое положение. Более полувека – со времён опричнины до падения Годуновых – они получали посты самой высшей воинской иерархии. При Василии Шуйском их значение снижается: как уже говорилось, Черкасские были сильны тем, что они – родня второй жены Ивана IV. Но Шуйские принадлежат к Суздальско-Нижегородскому дому Рюриковичей, а не к Московскому, для них это родство не столь уж значимо. Впрочем, и при Василии Шуйском князей Черкасских не изгнали из военной элиты, лишь понизили их статус: им теперь доверяли командовать не армиями, а всего-навсего... отдельными полками.

Черкасские даже всерьёз претендовали на русский трон во время Земского собора 1613 года, и это никого не удивляло. Давно свои, никаких вопросов...

Таков был фундамент всего государственного строя России со времён Ивана III Великого и до Алексея Михайловича. Верность Православию всегда и неизменно ставилась выше, нежели верность крови, то есть принадлежности к тому или иному народу.

А как же было с теми *выезжими* аристократами, которые не желали перекрещиваться?

Их ожидала куда как менее завидная судьба.

Татарские “цари” и “царевичи”, иными словами – чингизиды, на службе у русских государей возглавляли небольшие контингенты своих единоверцев – служилых татар. Кроме того, их время от времени номинально ставили командующими в действующей армии, но реальной власти не давали. Фактически “командующие”-чингизиды служили своего рода “украшением” русского войска. На Востоке, да и в Восточной Европе династия Чингисхана пользовалась высоким авторитетом. Эту кровь считали “высокой”, “царской”. Россия не стала исключением. Чингисов род почитали и у нас. Русское командование превращало “карманных” чингизидов в своего рода “выставку достижений народного хозяйства”. Участие подобной персоны в каком-нибудь походе призвано было нагнать страху на соседей и лишний раз показать могущество русского государя: раз уж ему сами чингизиды служат, то он могуч!

Но при всём при том, некрещёных представителей выезжей знати, будь они хоть сто раз Чингисова рода, не допускали на заседания Боярской думы! Да и руководили русскими армиями не номинальные командующие, а вполне реальные царские воеводы, формально числившиеся в том же войске “честию ниже” чингизидов. Один из служилых “царей”-чингизидов, Семён Бекбулатович, всерьёз рассматривался как претендент на русский престол, когда род Московских Рюриковичей пресёкся. Но в числе претендентов на трон он оказался только после того, как принял Православие: некрещёный царь, некрещёный воевода – нонсенс для Московского царства.

Можно сказать со всей определённостью: нерусским московское правительство могло довериться, неправославным – никогда! Эта политика проводилась с крайней жёсткостью. Отступления не допускались.

Когда сей принцип начал ломаться?

Довольно поздно: в середине – второй половине XVII века. А именно в тот момент, когда московское правительство решило сделать ставку на формирование “полков нового строя”. Иными словами, армии европейского образца.

И раньше Москве служили офицеры-наёмники: шотландцы, голландцы, французы. Любили у нас нанимать на службу итальянских военных инженеров, немецких лекарей, датских мореплавателей... Представление о том, что до Петра I Россия отгораживалась от Европы, неверно. У нас с честью принимали западных специалистов, торговали с половиной европейских стран, наладили постоянное дипломатическое общение с англичанами, немцами, датчанами и т. п. Не существовало в ту пору никакого “железного занавеса”. Но как в XVI, так и в первой половине XVII века присутствие иноземцев в русской армии было ничтожным. Десятки, в лучшем случае, – сотни бойцов. Ничего значительного.

А вот в середине XVII столетия положение стало меняться. Царь Михаил Фёдорович начал, а его сын, царь Алексей Михайлович, поставил на массовую основу устройство пехоты и конницы, вооружённой по-европейски, использующей европейскую тактику и проходящей европейское обучение. Тогда, именно тогда России понадобились в изрядном количестве западные офицеры высокого ранга, притом не на временную службу, а навсегда. Чтобы они могли учить русские “полки нового строя”, руководить ими в бою, передавать опыт русским военачальникам.

Так появились в русской армии полковники и генералы, взятые на службу из Западной Европы. Им позволялось сохранять их веру. Притом католиков старались не брать, чаще имели дело с представителями разных деноминаций протестантизма. Любопытно: задолго до Петра I в Немецкой слободе, на окраине Москвы, появились три протестантских церкви, но католический храм позволил возвести только Пётр Алексеевич, да и то далеко не сразу. Католиков недолюбливали, поскольку опасались, что те станут помогать старому злому врагу России – Польше. И на то имелись самые серьёзные основания...

Но при всех конфессиональных “льготах”, неправославный военачальник не мог войти в состав армейской элиты России. Во всяком случае, ни при Алексее Михайловиче, ни при Фёдоре Алексеевиче, ни при царице Софье ему не доверили бы командовать армией.

Именно этот запрет уничтожил Пётр I.

А вот оправданно ли... Большой вопрос. Многовато служилых немцев, немало не православных, оказалось у руля правления Россией в XVIII столетии. И слишком многие из них более радели о собственном кармане, чем о благе земли Русской. А некоторым задачи чаще ставили иностранные государи, нежели собственные, российские...

* * *

Тут вновь приходится вернуться к вопросу об “акционировании” элиты извне. Решающий вопрос — почва, из которой растёт элита. Культура, вера, традиции, точнее говоря, — Традиция.

Не дай Бог видеть у штурвала власти персон, которые мыслят себя частью некой наднациональной, надконфессиональной элиты, правящей “простыми смертными” с заоблачных высей великого финансового олимпа. Не дай Бог! Ведь продадут, не моргнув глазом, за одно дружеское похлопывание по плечу. Разумеется, если сей ободряющий жест совершит рука, высунувшаяся из туч, скрывающих пиры “олимпийцев”. Собственно, уже продавали...

Лучше плохонькие, да *свои*. Из них со временем выйдут *свои* вполне приличного качества. И воеводы, и государи.